

DOI 10.15826/qr.2024.1.883

УДК 94(470)"17/19" + 94(438)"17/19" + 323.1(47+57) + 94(470:438)"19" +
+ 929Николай(470)*1 + 929Александр(470)*1 + 94:159.953

**«Долг, любовь и ненависть»:
русско-польские взаимоотношения в первой трети XIX в.***

Рец. на: Болтунова Е. М. Последний польский король. Коронация Николая I в Варшаве в 1829 г. и память о русско-польских войнах XVII – начала XIX в. М. : Новое лит. обозрение, 2022. 560 с.

Владислав Ившин

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**“Duty, Love, and Hate...”:
Russian-Polish Relations in the First Third
of the 19th Century****

Rev. of: Boltunova, E. M. (2022). *Poslednii pol'skii korol'. Koronatsiya Nikolaya I v Varshave v 1829 g. i pamyat' o russko-pol'skikh voynakh XVII – nachala XIX v.* [The Last Polish King. The Coronation of Nicholas I in Warsaw in 1829 and the Memory of the Russian-Polish Wars of the 17th – Early 19th Centuries]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 560 p.

Vladislav Ivshin

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This review examines a book by E. M. Boltunova devoted to the “second coronation” of Nicholas I in Warsaw in 1829 and the memory of the Russian-Polish conflicts between the seventeenth and early nineteenth centuries. The novelty of the book is determined by the conceptualisation of the coronation through the methodology of the history of emotions and the history of memory in the contextual framework of R. Wartman’s “power scenarios”. Over the course

* Статья подготовлена в рамках выполнения госзадания Министерства науки и высшего образования РФ по теме «Взаимодействие культурно-языковых традиций: Урал в контексте динамики исторических процессов», № FEUZ-2023-0018.

** Citation: Ivshin, V. (2024). “Duty, Love, and Hate...”: Russian-Polish Relations in the First Third of the 19th Century. In *Quaestio Rossica*. Vol. 12, № 1. P. 355–368. DOI 10.15826/qr.2024.1.883.

Цитирование: Ivshin V. “Duty, Love, and Hate...”: Russian-Polish Relations in the First Third of the 19th Century // *Quaestio Rossica*. 2024. Vol. 12, № 1. P. 355–368. DOI 10.15826/qr.2024.1.883 / Ившин В. «Долг, любовь и ненависть»: русско-польские взаимоотношения в первой трети XIX в. // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12, № 1. С. 355–368. DOI 10.15826/qr.2024.1.883.

of ten chapters, the author of the book reconstructs the spectra of emotions in the context of the formation of imperial symbolic and political mechanisms of governance of the Kingdom of Poland in the first third of the nineteenth century. The reviewer draws attention to the ambiguity of the number of interpretations offered by the author, resulting from the chosen methodological optics. The reviewer concludes that the book makes a serious contribution to the existing historiography of Russian-Polish relations in the first third of the nineteenth century by portraying, through the reconstruction of emotions, the Russian Empire as an extremely dynamic space.

Keywords: Nicholas I, Alexander I, Kingdom of Poland, national policy, Russian Empire, coronation, memory policy

Рассматривается книга Е. М. Болтуновой, посвященная «второй коронации» Николая I в Варшаве в 1829 г. и памяти о русско-польских конфликтах XVII – начала XIX в. Новизна книги определяется концептуальным осмыслением коронации через методологию истории эмоций и истории памяти в контекстуальной рамке «сценариев власти» Р. Уортмана. Автор на протяжении десяти глав рассматривает представленные сюжеты, реконструируя спектры эмоций в контексте формирования имперских символических и политических механизмов управления Царством Польским в первой трети XIX в. Рецензент обращает внимание на неоднозначность ряда предлагаемых автором интерпретаций, проявившихся из-за выбранной автором методологической оптики. Сделан вывод, что книга вносит серьезный вклад в имеющуюся историографию русско-польских отношений первой трети XIX в., демонстрируя через реконструкцию эмоций Российскую империю как крайне динамичное пространство.

Ключевые слова: Николай I, Александр I, Царство Польское, национальная политика, Российская империя, коронация, политика памяти

Рецензируемая монография Е. М. Болтуновой – специалиста в области исторической регионалистики и истории памяти – вышла в конце 2022 г. [Болтунова]. Исследование стало плодом многолетней работы по изучению весьма малоизвестного в отечественной историографии сюжета о коронации Николая I в Варшаве в 1829 г. и тематики памяти о русско-польских войнах XVII – начала XIX в.

Сюжет коронации Николая I в Варшаве до выхода рецензируемой монографии неоднократно находился в сфере внимания отечественной историографии. Достаточно назвать ряд исследователей-полонистов, специализирующихся на русско-польских отношениях первой половины XIX в. [Филатова; Каштанова], и крупное биографическое издание, посвященное Николаю I и его царствованию [Высочков, с. 263–266]. Однако в монографическом жанре варшавская коронация Николая I рассматривается впервые. Исследование Е. М. Болтуновой следует более широкому авторскому замыслу – рассмотреть акт варшавской ко-

ронации Николая I и память о русско-польских войнах XVII – начала XIX в. в контексте поиска и создания в Российской империи первой трети XIX в. политических и символических стратегий управления западными окраинами на примере Царства Польского (далее – Царство) (с. 23)¹. Но все же, как подчеркивает Е. М. Болтунова, «эта книга не о Польше. Она о России» (там же).

Автор выстраивает исследовательскую стратегию на перекрестке двух методологических подходов: *истории эмоций* и *истории памяти*. Тесная взаимосвязь между «эмоциями» и «памятью» отмечалась еще в работах М. Хальбвакса и сегодня не вызывает каких-либо сомнений [Хальбваск]. Что касается *истории эмоций*, то монография Е. М. Болтуновой продолжает направление исследований Я. Плампера, Ш. Шахадат и А. Л. Зорина в области реконструкции «Российской империи чувств» [Российская империя чувств; Зорин, 2016]. Концептуальная рамка книги задана подходом *сценариев власти* Р. Уортмана [Wortman]. Он был одним из двух рецензентов данной монографии при ее подготовке к изданию, а сама книга, отмечает автор, была вдохновлена его трудами (с. 8).

Отправной точкой для автора служит тезис о пересмотре оценок правления Николая I. «Николаевская проблематика» и интерес исследователей к данной эпохе в последнее время испытывают настоящий ренессанс, отгалкивающийся от пересмотра клише и ярлыков советской историографии в оценках личности Николая I («жандарм Европы») и его правления («консервативного застоя»). Болтунова призывает читателя к более осторожным оценкам: «Сейчас нам сложно представить, что этот документ (Манифест к Царству Польскому 1825 г. – В. И.)... был подписан Николаем I – человеком, которого принято считать консерватором и поборником охранительной политики» (с. 29).

Основу источниковой базы исследования составил обширный корпус опубликованных и архивных документов, собранных автором в архивах России, Польши и Финляндии. Их существенно дополняют изобразительные источники, отражающие символические аспекты русско-польских взаимоотношений первой трети XIX в.

Рецензируемая книга состоит из введения, десяти глав, заключения и приложений. Основная часть монографии разделена автором на две равные по числу глав части и выстроена в ретроспективе. Первая часть охватывает темы подготовки к коронации, поездки Николая I в Варшаву для коронации, саму коронацию и возвращение в Петербург. Вторая часть посвящена Александру I и его попыткам выстроить систему взаимоотношений с Царством Польским и «реформировать» историческую память о русско-польских конфликтах конца XVI – начала XIX в. Хронологические рамки книги значительно шире, помимо первой трети XIX в., автор совершает экскурс в русско-

¹ Здесь и далее при ссылках на рецензируемое издание номера страниц приводятся в круглых скобках в тексте.

польские отношения начала XVII в. Обширные приложения содержат неопубликованные и (или) малоизвестные в российской историографии исторические источники – речи Александра I и Николая I на польских сеймах, церемониальный протокол польской коронации 1829 г. и изобразительные источники.

В отличие от других авторов, Е. М. Болтунова старается опровергнуть миф о «жандарме Европы», отталкиваясь от понятия «сценариев власти» Р. Уортмана, концентрируясь на церемониалах, образах власти, символической политике и реконструкции спектра эмоций («страха», «отвращения», «унижения» и др.) в действиях исторических лиц. Исследование спектра эмоций играет в книге ключевую роль, выступая для автора своеобразным *modus vivendi*, объясняя конкретные действия героев.

Во введении исследователь очерчивает политико-административный статус польских земель в составе Российской империи, отмечая, что с 1815 г. Царство обладало «политической субъектностью» как особая, «в широком смысле европейская» территория, оказавшаяся в составе империи (с. 23). Этот статус подчеркивался постоянным присутствием в Варшаве великого князя Константина Павловича, брата Александра I и Николая I. Его отречение от российского престола не было опубликовано, и, согласно автору, российская и польская общественность воспринимала его наследником престола. К тому же с 1822 г. Константин был наместником в Царстве и вверенных ему западных российских губерниях (бывших территориях Великого княжества Литовского) (с. 15–19). Особый статус Царства также исходил из действия на его территории, октроированной Польской конституции 1815 г., обязавшей монархов дополнительно короноваться польской короной. Александр I, создав юридическую норму, так и не короновался ею, оставив после своей смерти лишь формальные условия о необходимости польской коронации.

Основная часть монографии открывается описанием периода междуцарствия конца 1825 г. (первая глава). Николай Павлович, зная об акте отречения от престола Константина, присягает ему как вступающему на престол монарху (с. 20), который передает престол Николаю I. Последний при вступлении на престол издает отдельный манифест Царству, где «клянется» соблюдать Польскую хартию 1815 г., следовательно, соглашаясь дополнительно короноваться польской короной (с. 28). Издание отдельного манифеста автор связывает с пресечением маневра Константина, мечтавшего о суверенитете Царства или, как минимум, о расширении прав автономии и своей власти над регионом (с. 19, 30, 53–54). Эти сложные взаимоотношения двух братьев автор прослеживает через анализ их трехлетней «мучительной переписки» (с. 60–71), предшествовавшей коронации. Она включала обсуждение различных «польских вопросов»: необходимости польской коронации Николая I, участия польской армии в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. и главного – включения западных губерний империи в состав Царства (с. 60–72). Через переписку в книге очерчивает-

ся сложность и противоречивость братских отношений: значительно старший, бескомпромиссный и требующий «чувства благодарности» за свое отречение Константин и испытывающий «признательность» и обязательства перед братом Николай I (с. 49–52). Однако причины польской коронации автор все же видит в русско-австрийских отношениях, ухудшившихся на фоне Русско-турецкой войны 1828–1829 гг., а именно – в проекте австрийского канцлера Меттерниха по коронации польской короной Наполеона II и широко распространенном в Царстве «культе Наполеона [I]» (с. 81–83).

Во второй главе автор подробно рассматривает подготовительный этап «повторной» коронации Николая I. Идея коронации, высказанная Николаем в 1826 г. в переписке с Константином, получила развитие лишь к весне 1829 г., и, со слов автора, подготовка к коронации проходила «в спешке» (с. 86, 89, 91). Перед коронацией решался широкий круг вопросов: выбор места коронации (Петербург, Москва, Варшава или Краков), соблюдение традиций коронации (польско-католических или русско-православных) и протокольного церемониала (например, включения в церемонию католического молебна и др.) (с. 92–105). Итоговый вариант плана коронации отличался своей эклектичностью, соединяя православную и католическую обрядовость со светским содержанием (с. 108). За этой эклектичностью доминировали варианты, предложенные Константином, лишь с небольшими правками от Николая I, стремившегося дистанцироваться от всего религиозно-католического (с. 98, 108). Но до приезда в Варшаву, по мнению автора монографии, Николай I «не слишком понимал суть сложившегося положения» и даже по приезде «не был в состоянии полностью обнаружить» двойные смыслы церемонии (с. 106).

Ключевое значение в обсуждении церемонии коронации отводилось выбору регалий и инсигний, которые должны были «польстить полякам» (с. 112). Выбор пал на корону Анны Иоанновны, венчавшую с 1815 г. щит Царства Польского в государственном гербе Российской империи; орден Белого Орла – высшую награду в Царстве; меч Яна Собеского, захваченный при отступлении польских легионов Наполеона в 1813 г. (с. 108–118). Сильной частью главы оказывается заключительный параграф о путешествии императорского кортежа из Петербурга в Варшаву (с. 119–136). Опора на многочисленные архивные материалы позволяет автору описать «особый ритуал» передачи короны польской стороне на границе с Царством, символизировавший акт «превращения короны российской в польскую» (с. 134). Символические аспекты, приведенные автором, превращают традиционную процессию в отличную иллюстрацию действий создававшегося с чистого листа церемониала польской коронации 1829 г.

Третья глава посвящена непосредственно польской коронации. Следуя за методологией Р. Уортмана, автор обращается к анализу внешней атрибутики коронации – польских одеяний императорской семьи, которыми ее члены стремились подчеркнуть сопричастность

полякам и польской культуре (с. 146). Не менее подробно автор представляет описание экстерьера и интерьера зала коронации, преобладание в его оформлении польско-католических мотивов (с. 147–150). Сама церемония отличалась от московской. Николай I возложил на супругу-императрицу не корону, а орден Белого Орла. Согласно оценке автора, хотя варшавская коронация формально не была священнодействием, но произошедшее не снимало вопроса о ее «религиозной составляющей» (с. 152). При этом «православные коннотации в церемонии были сведены к минимуму», императорская чета лишь посетила немногочисленные православные храмы Варшавы (с. 158).

Четвертая глава соотносит риторику манифестов о московской и польской коронациях. Первые отличия состоят в том, что о польской коронации Николая I российское общество узнало постфактум, а манифесты «демонстрируют разницу в восприятии статуса церемоний»: варшавская коронация была намеренно представлена без религиозного подтекста (с. 166–168). Такие же объяснения варшавской коронации автор обнаруживает в текстах российской периодической печати (с. 179–180). В полной версии, опубликованной исключительно на польском и французском языках, акцентировалось внимание на польско-католических элементах церемонии, а в версии на русском языке, напротив, умалчивалось об этом или описание католических элементов коронации подменялось на «нейтральные» (с. 178). Это, по мнению автора, свидетельствует об открытом для интерпретаций символическом пространстве коронации 1829 г. и о сосуществовании двух объяснительных моделей «для внешнего [польского] и внутреннего [российского] пользования» (с. 163).

Продолжая анализировать манифесты, исследователь обращает внимание на поиск Николаем I «достойных предшественников» из польской истории, доказывающих преемственность российской власти и выступающих объединяющей символической фигурой единства истории двух народов. На эту роль не могли претендовать ни «екатерининский» Станислав Понятовский, ни саксонский курфюрст и польский король Август II Сильный, бывший союзником Петра I в Северной войне (с. 180–188). На фоне российских успехов в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. выбор Николая I пал на фигуру Яна III Собеского – польского короля и «героического победителя турок» под Веной в 1683 г. (с. 188–191). Апелляция к его героике демонстрировала «единство борьбы России и Польши против турецкой угрозы» в категории «общий враг» (с. 196).

Внимательно читая главу, можно обнаружить, что автор несколько раз обращается к кумиру Николая I Петру Великому и возникшей в 1820-е гг. параллели Петр I – Николай I (с. 187–188). Через личные подражания Николая I своему российскому предшественнику автор объясняет выбор императором фигуры Собеского, в биографии которого император «мог видеть много схожего с биографией своего кумира Петра Великого» (с. 188). Однако в создании параллели

«Петр I – Николай I» значительную роль играла политическая культура российского монархизма, в которой как минимум с середины XVIII в. доминирующей «несущей конструкцией» оставался «культ Петра Великого», многократно воспроизводимый целой плеядой панегиристов [см. об этом: Бугров, Ившин, с. 82–83]. Продолжая рассуждать об образности, автор отмечает «сложность» прочтения Николаем I польского символического нарратива, обращенного к «античной героике или сюжетам польской истории» (с. 199–200). Эта сложность, на мой взгляд, вполне могла возникнуть с сюжетами польской истории. Но приведенные в книге уподобления Николая I греко-римским образам (Траяна, Тита Флавия и др.) и, шире, античной героике, были *locus communitatis* в отечественной панегирической традиции XVIII – первой половины XIX в. и могли быть легко узнаны образованной публикой, включая самого императора (с. 199–201) [см.: Bugrov, Sokolov, p. 95–97].

Не меньшее внимание исследователь уделяет языкам польского коронационного нарратива, отметив, что таковыми стали французский и польский, а сам Николай I согласился использовать в Царстве полонизированный вариант своего имени Миколай (с. 198). Болтунова формулирует тезис, что Николай I относился к польскому языку с особым уважением и публично подчеркивал его статус (с. 197).

Однако исследователи биографии Николая I подчеркивают его совершенно иное отношение к польской культуре, сформировавшееся еще в 1812–1816 гг. [Высочков, с. 261–264]. Выдвигая свой тезис об отношении Николая I к польскому языку, автор ничего не пишет о Польской хартии 1815 г., закреплявшей за польским языком государственный статус на территории Царства «в военной, судебной и административных частях» [Конституционная хартия Царства Польского 1815 г., ст. 28, с. 44]. Владение польским языком для вновь получивших польское гражданство было одним из условий для вступления на государственную (гражданскую) службу в Царстве [Там же, ст. 33, с. 45]. На мой взгляд, за проявлением «уважения к польской национальности» (с. 199) монарха вполне могло скрываться лишь следование Польской хартии 1815 г. К тому же автор пишет, что еще Александр I переориентировал свою коммуникацию в Царстве на польский и французский языки, а использование русского языка на его территории было сведено к минимуму и «не поощрялось» (с. 293–294). В связи с этим нельзя не поставить вопрос: насколько это «особое уважение» Николая I к польскому языку было продиктовано его личным отношением, а не следованием традиции и букве закона?

В пятой главе подводятся итоги варшавской коронации Николая I. Основные ее цели, как показывает автор, были достигнуты: возросла лояльность Царства к Российской империи и ее монарху, несколько нивелировались австрийские позиции в регионе (с. 214–216). Однако автор отмечает, что «эмоциональное состояние» Николая I в Варшаве было иным, чем во время пребывания в Пруссии

и Российской империи (с. 225–226). Перед коронацией он испытывал чувство «долга» перед поляками и Александром I, а после – «в духе контрактных обязательств» – предписывал и ожидал, что поляки будут испытывать чувство «благодарности» (с. 231). Глава завершается описаниями возвращения императорского кортежа в Петербург и поездки в Варшаву в 1830 г. для открытия польского сейма. Участие императора в сейме было «одновременным» празднованием годовщины польской коронации и 15-летия создания Царства Польского (с. 249–250). В речи Николая I на открытии сейма вновь заметен пример «контрактных обязательств»: всячески желая «польстить полякам», монарх поднял вопрос о запрете расторжения браков в Царстве, но Польский сейм отклонил предлагаемый запрет (с. 250–254).

Вторая часть книги состоит из более концептуально разноплановых сюжетов, посвященных решению «польского вопроса» при Александре I. Эти сюжеты охватывают историю памяти (политику памяти) первой четверти XIX в., финансовые аспекты александровской «польской политики» и воплощения идеи единения Царства и Российской империи в обозначенный период.

Роль Александра I в Отечественной войне 1812 г. и его восприятие военных событий рассматриваются в шестой главе. Отталкиваясь от тезиса современного историка В. С. Парсамова, что действия Александра I в военную «фортуна 1812 г.» сопровождалось его поиском собственной роли [см.: Парсамов, с. 233–255], Е. М. Болтунова пишет об утраченном императором к осени 1812 г. «символическом капитале» в глазах общества и собственной семьи, желавшей видеть монарха во главе армии (с. 262–264). Автор отмечает, что отвергнутый и испытанный «унижение и страх» в России Александр I получил эмоциональную «травму 1812 г.» (с. 267–269). Именно эта «травма» определила его дальнейшие отношения с Царством, ставшим для Александра I «местом эмоционального комфорта и безопасности» (с. 268, 273–273). По мнению исследователя, он стремился «перекодировать образ поляка-врага» уже в период заграничных походов русской армии в 1813–1814 гг. через абсолютное «забвение» и «прощение» поляков за их активное участие в «Великой армии» Наполеона в 1812 г., параллельно «пожертвовав» им Конституцию 1815 г. (с. 284).

Обращение автора к дискуссионной в историографии проблеме оценки роли Александра I в Отечественной войне 1812 г. заслуживает отдельного внимания. Исследователь указывает, что он был «практически изолирован» в принятии решений, связанных с военной кампанией (с. 267). Покинув армию в июле 1812 г., он оставался верховным главнокомандующим, вовлеченным в общее руководство военными действиями и, как минимум, воплощал в жизнь изначальный план, оттягивая генеральное сражение с армией Наполеона [Рэй, с. 263]. Не стояло ли за этим стремление Александра I спасти свой «символический капитал», который в случае решительного поражения от Наполеона при нахождении монарха во главе армии мог быть утрачен?

К тому же именно Александр I выступил инициатором заграничных походов 1813–1814 гг., несмотря на иную позицию генерального штаба [см.: Рэй, с. 42, 59–61, 286–298]. Иными словами, ему хватило «символического капитала» и военно-руководящих качеств, чтобы отстаивать свою позицию перед генералитетом.

Продолжая развивать идеи «истории эмоций», Е. М. Болтунова сводит главную цель походов 1813–1814 гг. к «спасению Польши» и «поиску новых подданных» из-за чувства «глубокой обиды» Александра Павловича на российских подданных (с. 269). Но возведя «чувства» монарха в некий абсолют, автор умалчивает о стратегическом и дипломатическом значении этой военной кампании [см.: Рэй, с. 286–289]. Аналогичным образом автор рассуждает о причинах «уважительного» и «осторожного» отношения к полякам со стороны русской армии при пересечении территории Герцогства Варшавского в 1813 г. (с. 276), игнорируя практическую целесообразность того, что русскую армию необходимо было обеспечить провизией и обезопасить ее глубокий тыл от потенциальных восстаний поляков.

В седьмой главе автор обращается к финансовым аспектам польской политики Александра I. Приведенные исследователем в этой главе объемы и формы финансовых вложений Российской империи в Царство в 1815–1825 гг. существенно дополняют имеющуюся в историографии картину финансовых и экономических взаимоотношений Царства и империи [см.: Западные окраины, с. 84–89] (с. 314). С 1814 г. выдачу череды государственных займов Царству лоббировал лично Александр I, идя вразрез с Министерством финансов Е. Ф. Канкрин и внутрироссийским экономическим положением западных губерний империи, не меньше пострадавших от боевых действий в 1812 г. (с. 310–313). Это позволяет автору заключить, что Александр I наряду с «долгами моральными» простил Царству и долги финансовые, ведь «польский долг» так и не был погашен к 1830-м гг. (с. 319). Его экономическая политика, по мнению автора, вновь была следствием «травмы 1812 г.» (с. 330–332). Займы же, помимо экономического подъема Царства, привели к росту его «политической субъектности» (с. 319).

В восьмой главе автор анализирует риторику вокруг процесса интеграции Царства в состав Российской империи при Александре I. В ней автор обращает внимание на артикуляцию понятия «братства» польского и русского народов, объединенных против общего врага – Наполеона (с. 342, 349–351). После 1815 г. эта идея подчеркивалась «братством» Александра I с братом-наместником в Царстве Константином (с. 348). Формируя общественное отношение к новым подданным, власть подчеркивала и их «воинскую храбрость», что ставило их на один уровень с российскими подданными. Согласно автору, такой шаг создал ситуацию, когда «первые [русские] были символически снижены, а вторые [поляки], напротив, серьезно приподняты» (с. 359). На фоне этой риторики среди российских подданных появляется интерес («чувство любви») ко всему польскому – польским

женщинам, русско-польскому браку и возможности его прекращения и т. д. (с. 362–380). Обобщая свои наблюдения, автор сопоставляет риторику Александра I в «финляндском» и «польском» проектах, отмечая, что Царство в иерархии имперских территорий занимало более высокий статус, нежели, к примеру, Великое княжество Финляндское, также обладавшее широкой автономией и конституцией (с. 391). Это приводит автора к выводу о придании «цивилизаторской миссии» Царству в составе Российской империи (с. 392–393, 401–402).

В девятой главе внимание автора концентрируется на коммеморации о русско-польских событиях конца XVI – начала XVII в. в варшавской коронации Николая I. Автор рассматривает присягу плененного польским королем Сигизмундом III Василия Шуйского. Эти события стали основой для польского коммеморативного проекта «триумфа» польской короны над Москвой, воплотившись в первой половине XVII в. в убранстве залов Варшавского замка (места будущей коронации Николая I) (с. 406–409). Автор также прослеживает формирование российской памяти о Смутном времени в XVII–XVIII вв. По ее мнению, ведущую роль в этом процессе играли действия Михаила Романова и Алексея Михайловича, целенаправленно «уничтожавших» и «изменявших антимосковскую топографию Варшавы» (с. 414–417). Однако уже в XVIII в. потребности политического «использования истории Смуты» автор не обнаруживает (с. 424). В российском и польском общественном восприятии Смуты в первой трети XIX в. автор подчеркивает, что с начала XIX в. в «иерархии» героев Смуты наиболее значимой фигурой был Василий Шуйский, оставшийся таковым до 1830-х гг. (с. 426). В российской интерпретации он предстает в образе «несчастливого царя», а в польской – «униженным и детронизированным» монархом (с. 432–433, 440). Это позволяет сделать вывод, что польская версия коммеморации функционировала в «значительной мере автономно», отсутствие борьбы с ней со стороны империи было частью «политической стратегии» (с. 439–440).

Авторские наблюдения в этой главе несколько удивляют. Проследившая формирование представлений («памяти») о Смутном времени в XVII–XVIII вв., Е. М. Болтунова концентрируется в основном на действиях монарших особ, не упоминая существовавший крупный цикл российских сочинений XVII в. о Смуте, также участвовавший в формировании представлений о событиях начала XVII в. в России [см.: Антонов; Туфанова]. При чтении главы не покидает ощущение, что исследователь сводит хронологические рамки и тематику Смуты только к историческим сюжетам 1610 г., связанным с польским пленом Василия Шуйского (Шуйских). Однако к личности Василия Шуйского в 1730–1770-е гг. чаще обращались в связи с другим сюжетом – его «присягой» («клятвой»), данной им при вступлении на российский престол. Для отечественных авторов этот сюжет был популярным историческим аргументом в дебатах о наиболее подходящей для России форме правления [см.: Bugrov, p. 493–494]. Не находит подтверж-

дения и тезис автора об отсутствии «использования истории Смуты» при Екатерине II. Как минимум, апелляции к Смуте обнаруживаются в текстах панегириков, вдохновленных подавлением Польского восстания 1794 г. и разделом Речи Посполитой 1795 г. Что действительно отсутствовало в этих текстах, так это апелляции к Василию Шуйскому – на авансцене панегириков и других сочинений о Смуте к 1790-м гг. был героический «дуумвират» Д. Пожарского и К. Минина [Зорин, 2001, с. 159–161].

В десятой главе подводится своеобразный итог. Автор рассматривает подавление Польского восстания 1830–1831 гг., которое стало закономерным крахом умиротворительных «польских проектов» Александра, Николая и Константина Павловичей, лишь усиливших «политическую субъектность» Царства (с. 452, 460–461). Автор прослеживает, что в период восстания прежняя «психология мира» противостояла «психологии войны», не позволяя командующим армиями предпринять решительные действия против восставших (с. 476). Даже после его подавления Николай I вернулся к «прежней стратегии прощения» и «успокоения» поляков, а само Царство осталось на особенном положении в империи, несмотря на деконституционализацию (с. 482–483).

К сожалению, в книге отсутствует заключение, подводящее итоги польской политики Российской империи в первой трети XIX в.

Одним из главных достоинств монографии Е. М. Болтуновой следует признать ее смелость, начиная с выбора методологической оптики и заканчивая обращением к столь малоизвестному сюжету варшавской коронации Николая I. Несмотря на заявленную в заглавии книги тематику, она отнюдь не о коронации и памяти о русско-польских войнах конца XVI – начала XVII в. Они служат лишь предлогом к дальнейшим размышлениям автора о западных окраинах Российской империи – Царстве Польском, механизмах его интеграции, об осмыслении места Царства в общеимперском пространстве России. На протяжении всего исследования Е. М. Болтунова вписывает заявленную тематику книги в более широкую проблематику *региональной истории*. Автор убедительно демонстрирует, что империя – это динамичное, гибкое и крайне вариативное пространство, которое не работает по заранее прописанным лекалам, а находится в постоянных поисках и выборе стратегий. Авторские представления об империи как динамичном пространстве отсылают к классическим работам А. И. Миллера и Ю. Остерхаммеля [Osterhammel; Миллер]. Но, в отличие от них, Е. М. Болтунова демонстрирует динамизм и гибкость властных механизмов империи через реконструируемые *истории эмоций* в действиях исторических фигур в первой трети XIX в., открывая перед своим читателем собственную «Российскую империю чувств».

Необходимость соблюдения автором баланса между объяснением истории через «мир эмоций» и «мир прагматики» логики фактов

удалось реализовать в первой части монографии. Во второй части присутствует перевес в сторону «мира эмоций», оставивший некоторую недосказанность в авторских объяснениях действий Александра I. Все же не следовал ли он, создавая и поддерживая широкую автономию Царства, решениям Венского конгресса, согласно которым другие участники (Пруссия и Австрия) обязались предоставить столь же обширные автономии отходившим к ним польским территориям [Западные окраины, с. 93–94]? За действиями российского монарха вполне могли скрываться и практические соображения, исходившие от легитимизма решений Венского конгресса.

Подчеркнем, что исследование Е. М. Болтуновой существенно дополняет представления о русско-польских отношениях первой трети XIX в. Большинство его выводов вытекают из проведенной автором тщательной работы по сбору и анализу архивных материалов, осмысленных в рамках современных исторических концепций.

Библиографические ссылки

Антонов Д. И. Смута в культуре средневековой Руси: эволюция древнерусских мифологем в книжности начала XVII века. М. : РГГУ, 2009. 424 с.

Болтунова Е. М. Последний польский король. Коронация Николая I в Варшаве в 1829 г. и память о русско-польских войнах XVII – начала XIX в. М. : Новое лит. обозрение, 2022. 560 с.

Бугров К. Д., Ившин В. С. Трансформация политической культуры российского монархизма в панегириках рубежа XVIII–XIX вв. // Вестн. Оренбург. гос. пед. ун-та. 2021. № 1. С. 81–99. DOI 10.32516/2303–9922.2021.37.7.

Высочков Л. В. Николай I. М. : Молодая гвардия, 2006. 694 с.

Западные окраины Российской империи. М. : Новое лит. обозрение, 2006. 608 с.

Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М. : Новое лит. обозрение, 2001. 416 с.

Зорин А. Л. Появление героя. Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века. М. : Новое лит. обозрение, 2016. 568 с.

Кашианова О. С. К истории коронации Николая I в Варшаве (1829 год) // Славяноведение. 2013. № 5. С. 37–48.

Конституционная хартия Царства Польского 1815 г. // Конституционная хартия 1815 г. и некоторые другие акты бывшего Царства Польского (1814–1881). СПб. : Изд-во Н. Д. Сергеевского, 1907. С. 41–63.

Миллер А. И. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М. : Новое лит. обозрение, 2006. 248 с.

Парсамов В. С. На путях к Священному союзу: идея войны и мира в России начала XIX века. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2020. 407 с.

Российская империя чувств. Подходы к культурной истории эмоций / под ред. Я. Плампера, Ш. Шахад и М. Эли. М. : Новое лит. обозрение, 2010. 511 с.

Рэй М.-П. Александр I / пер. с фр. А. Ю. Петрова, А. Ю. Терещенко. М. : РОС-СПЭН, 2013. 495 с.

Туфанова О. А. «Негеройские» герои: Кузьма Минин и князь Д. М. Пожарский в исторических повествованиях первой трети XVII в. // Древняя Русь. Вопр. медиевистики. 2019. № 3. С. 125–135. DOI 10.25986/IRI.2019.77.3.012.

Филатова Н. М. Варшавская коронация Николая I в 1829 г.: русский и польский взгляды // Романовы в дороге. Путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу : сб. ст. / под ред. М. В. Лескинен, О. В. Хаванова. М. : Нестор-История, 2016. С. 63–80.

Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. С. Н. Зенкина. М. : Новое изд-во, 2007. 348 с.

Bugrov K. D. Russia's Territorial Size as a Concept for Domestic Politics: Territory, Military Strength and Form of Government in 18th Century Russian Political Thought // *Bylye Gody*. 2015. № 3. P. 491–498.

Bugrov K. D., Sokolov S. V. Respublika mechei ili torgovaia respublika? Rossiiskaia istoricheskaia mysl' XVIII – nachala XIX vv. o voennoi moshchi respublikanskogo Novgoroda // *Cahiers du monde Russe*. 2018. № 1. P. 93–116. DOI 10.4000/monderusse.10259.

Osterhammel J. *Die Verwandlung der Welt. Eine Geschichte des 19. Jahrhunderts*. München : C. H. Beck, 2009. 1568 S.

Wortman R. S. *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy from Peter the Great to the Abdication of Nicholas II*. Princeton : Princeton Univ. Press, 2006. 512 p.

References

Antonov, D. I. (2009). *Smuta v kul'ture srednevekovoi Rusi: evolyutsiya drevnerusskikh mifologem v knizhnosti nachala XVII veka* [Distemper in the Culture of Medieval Russia: Evolution of Old Russian Mythologems in Scribes of the Beginning of the 17th Century]. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet. 424 p.

Boltunova, E. M. (2022). *Poslednii pol'skii korol'. Koronatsiya Nikolaya I v Varshave v 1829 g. i pamyat' o russko-pol'skikh voynakh XVII – nachala XIX v.* [The Last Polish King. The Coronation of Nicholas I in Warsaw in 1829 and the Memory of the Russian-Polish Wars of the 17th – Early 19th Century]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 560 p.

Bugrov, K. D. (2015). Russia's Territorial Size as a Concept for Domestic Politics: Territory, Military Strength and Form of Government in 18th Century Russian Political Thought. In *Bylye Gody*. No. 3, pp. 491–498.

Bugrov, K. D., Ivshin, V. S. (2021). Transformatsiya politicheskoi kul'tury rossiiskogo monarkhizma v panegirikakh rubezha XVIII–XIX vv. [The Transformation of the Political Culture of Russian Monarchism in Panegyrics at the Turn of the 19th Century]. In *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 1, pp. 81–99. DOI 10.32516/2303–9922.2021.37.7.

Bugrov, K. D., Sokolov, S. V. (2018). Respublika mechei ili torgovaia respublika? Rossiiskaia istoricheskaia mysl' 18 – nachala 19 veka o voennoi moshchi respublikanskogo Novgoroda [Military or Commercial Republic: Russian Historical Thought of the 18th – Early 19th Centuries on the Military Power of the Republic of Novgorod]. In *Cahiers du monde Russe*. No. 1, pp. 93–116. DOI 10.4000/monderusse.10259.

Filatova, N. M. (2016). Varshavskaya koronatsiya Nikolaya I v 1829 g.: russkii i pol'skii vzglyady [The Warsaw Coronation of Nicholas I in 1829: Russian and Polish Views]. In Leskinen, M. V., Khavanova, M. V. (Eds.). *Romanovy v doroge. Puteshestviya i poezdki chlenov tsarskoi sem'i po Rossii i za granitsu. Sbornik statei*. Moscow, Nestor-Istoriya, pp. 63–80.

Halbwachs, M. (2007). *Sotsial'nye ramki pamyati* [The Social Framework of Memory] / transl. by S. N. Zenkin. Moscow, Novoe izdatel'stvo. 348 p.

Kashtanova, O. S. (2013). K istorii koronatsii Nikolaya I v Varshave (1829 god) [On the History of the Coronation of Nicholas I in Warsaw (1829)]. In *Slavyanovedenie*. No. 5, pp. 37–48.

Konstitutsionnaya khartiya Tsarstva Pol'skogo 1815 g. [Constitutional Charter of the Kingdom of Poland in 1815]. (1907). In *Konstitutsionnaya khartiya 1815 g. i nekotorye drugie akty byvshego Tsarstva Pol'skogo (1814–1881)*. St Petersburg, Izdatel'stvo N. D. Sergeevskogo, pp. 41–63.

Miller, A. I. (2006). *Imperiya Romanovykh i natsionalizm: esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya* [The Romanov Empire and Nationalism: Essays in the Methodology of Historical Research]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 248 p.

Osterhammel, J. (2009). *Die Verwandlung der Welt. Eine Geschichte des 19. Jahrhunderts*. München, C. H. Beck. 1568 S.

Parsamov, V. S. (2020). *Na putyakh k Svyashchennomu soyuzu: ideya voyny i mira v Rossii nachala XIX veka* [On the Paths to the Holy Alliance: The Idea of War and Peace in Russia in the Early 19th Century]. Moscow, Izdatel'skii dom Vysshei Shkoly ekonomiki. 407 p.

Plamper, J., Shahadat, Sch., Eli, M. (Eds.) (2010). *Rossiiskaya imperiya chuvstv. Podkhody k kul'turnoi istorii emotsii* [The Russian Empire of Feelings. Approaches to the Cultural History of Emotions]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 511 p.

Rey, M.-P. (2013). *Aleksandr I* [Alexander I]. Moscow, ROSSPEN. 495 p.

Tufanova, O. A. (2019). "Negeroiskie" geroi: Kuz'ma Minin i knyaz' D. M. Pozharskii v istoricheskikh povestvovaniyakh pervoi treti XVII v. ["Non-Heroic" Heroes: Kuzma Minin and Prince Dmitry M. Pozharsky in the Historical Narratives of the First Third of the 17th Century]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. No. 3, pp. 125–135. DOI 10.25986/IRI.2019.77.3.012.

Vyskochkov, L. V. (2006). *Nikolai I* [Nicholas I]. Moscow, Molodaya gvardiya. 694 p.

Wortman, R. S. (2006). *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy from Peter the Great to the Abdication of Nicholas II*. Princeton, Princeton Univ. Press. 512 p.

Zapadnye okrainy Rossiiskoi imperii [Western Suburbs of the Russian Empire]. (2006). Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 608 p.

Zorin, A. L. (2001). *Kormya dvuglavogo orla... Literatura i gosudarstvennaya ideologiya v Rossii v poslednei treti XVIII – pervoi treti XIX veka* [Feeding the Two-Headed Eagle... Literature and State Ideology of Russia in the Last Third of the 18th – First Third of the 19th Centuries]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 416 p.

Zorin, A. L. (2016). *Poyavlenie geroya. Iz istorii russkoi emotsional'noi kul'tury kontsa XVIII – nachala XIX veka* [The Emergence of the Hero. From the History of Russian Emotional Culture of the Late 18th – Early 19th Centuries]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 568 p.

The article was submitted on 05.11.2023